

УДК 821.111

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА РУН В ШВЕДСКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАДАХ

Е.А. ПАПАКУЛЬ

(Полоцкий государственный университет)

auhijash@yandex.ru

Анализируются сюжеты шведских народных баллад о магической силе рун как отличительной особенностью скандинавской балладной традиции. Упоминаются основные теории и подходы к определению происхождения и значения слова “руна”. Помимо детального анализа трех шведских баллад рассматривается также шотландская баллада, позаимствованная из Скандинавии и имеющая аналогичный сюжет, где, однако, магическая сила рун заменена волшебным свойством растения.

Ключевые слова: руна, письмо, магия, баллада, верования.

Введение. В балладах о сверхъестественном упоминаются различные виды магии: сила музыки, колдовство, табу и руны. Безусловно, суеверия такого рода в балладной традиции различных народов универсальны, однако, например, использование рун для колдовства и любовного приворота является исключительно скандинавским мотивом.

Основная часть. Считается, что слово “руна” происходит от глагола *raunen* (шептать, нашептывать). В этом значении германское имя существительное “*runa*”, исторически связанное с “*raunen*” и “*Rune*” (руна), выступает в появившемся в VI в. н. э. готском переводе Библии в значении “тайна”. В Евангелии от Марка, 4:11 сказано: “Вам дано знать тайну (*runa*) Царствия Божия”. В *run* – “тайнственность”, “тайный совет” и в *runa-wita* – “тайный советчик” древнеанглийской песни “Беовульф” (около 700 г. н. э.), в *runa* – “дове-ряю” или “тайное совещание” древнесаксонской песни “Хелианд” (около 830 г. н. э.), а также в древневерхненемецком *giruni* – “тайна” так или иначе содержится смысл слова “тайна”. В величественной эддической песне “Прорицание вельвы” говорится: “Встречаются асы и ... вспоминают о славных событиях и рунах древних великого бога (*Fimbultýs fornar rúnar*)” [1, с. 189], где под *rúnar* подразумевается таинственная мудрость Одина.

Но, наряду с этим, одновременно со значением слова *runa*, приведенным готской библией, в Скандинавии встречается второе значение этого слова. На установленном в IV в. н. э. камне из Эйнанга в Норвегии написаны рунами слова: “...*dagastiz runo faihido*”. Предварительное толкование, относящееся к 1938 г., гласит: “[Я Гу]-дагастис окрасил руны”. Здесь “*runo*”, очевидно, означает «письменные знаки». Во франкском государстве Меровингов во второй половине VI в. н. э. епископ из Пуатье Венанций Фортунат шутиливо предостерегал нерадивого в письме друга латинским дистихом:

*Barbara fraxineis pingatur runa tabellis
Quodque papyrus agit, virgula plana valet.*

В вольном переводе это двустишие может быть передано так¹:

*Уверенно рисуй франкские руны на ясеновой дощечке!
Если тебе не хватает бумаги, послужит оструганная палочка.*

Здесь слово *runa* тоже, несомненно, означает германские письменные знаки.

Согласно принятой точке зрения содержание термина, подразумевающее именно письменный знак, выросло из значения “тайна”. Считается, что изменение значения шло через знаки, в которых нуждались при бросании жребия. Так как начальный звук полного названия руны на жребии служил находению соответствующего стихотворного изречения, знаки могли сами развиваться в буквы, обозначающие звуки, и использоваться для передачи сообщений. С точки зрения истории языка следует все-таки обдумать, не могли ли готское *runa* (тайна) и скандинавское *runo* (буква) произойти от двух различных слов: это было бы вполне допустимо.

Но есть еще и другая возможность. Если до сих пор исследователи пытались в общих чертах от понятия “тайна” через изречение на жребии добраться до понятия “буква”, то возможно и обратное – от понятия вырубленного знака через изречение на жребии прийти к понятию “тайна”. Уже в XVII в. датский ученый Оле Ворм хотел объяснить слово “руна” (письменный знак) скандинавским “*run*” (борозда, морщина, надрез). Таким же образом основатель научной рунологии в Германии Вильгельм Карл Гримм в 1821 г. обдумывал, мог ли первоначальный смысл слова “руна” появиться из слов “надрез” или “насечка”. Он указывал при этом на древнегреческий глагол *graphein*, означающий “писать”, древний смысл которого был

¹ Здесь и далее перевод наш – Е.П.

“делать насечки [зарубки]”; определенные аналогии вызывает в этом контексте немецкое слово “kerben”. В самом деле, до сих пор в восточно-фризском языке существует глагол “runen”, который имеет смысл “резать” (еще до сегодняшнего дня он употребляется также и в липштадтском диалекте). Имеет значение и тот факт, что в нижнегерманской языковой области и в Швабии существует слово «*der Raun (Raune)*», которое обозначает кастрированного жеребца (мерина).

В своей сегодняшней фонетической форме слово “руна” представляет собой заимствование из скандинавского. В XVII в., после появления научных изысканий в области рунической эпиграфики в Швеции и Дании, термин был введен в употребление и в немецком научном языке.

Собственно говоря, руническое искусство никогда не исчезало в германоязычном мире. В период после XIV в. руны полностью вытесняются латинской графикой и оказываются на периферии культурного поля – преимущественно как часть крестьянского быта либо база для криптографических опытов. Но уже с XVI в. древнегерманская знаковая система становится предметом внимания интеллектуалов в Скандинавских странах, а вслед за тем – и в Германии. Так что перерыв в “публичной” жизни рун, если он и был, был все же чрезвычайно кратким. Допустимо даже утверждать, что скандинавы эпохи викингов или периода записи устного наследия (XII–XIV вв.) успели забыть ничуть не меньше из исконного, раннего рунического искусства, чем тот объем знаний, который ускользнул от любителей старины нового времени [2, с. 18–24]. Руны в англо-шотландских балладах о сверхъестественном не встречаются. Балладный сюжет использования рун в магических целях является исключительно скандинавским. О силе рун повествуют три шведские баллады: “Riddar Stigs runor” (“Руны рыцаря Стига”), “Riddar Tynne” (“Рыцарь Тиннэ”) и “Sömnrunorna” (“Руны сна”).

Сюжет сохранившейся в двух версиях шведской баллады “Riddar Stigs runor” (впрочем, от второй версии дошло лишь две строки) встречается также в датской, исландской и норвежской традициях. Впервые баллада была опубликована в сборнике начала XVI века. В ней говорится о том, как рыцарь Стиг, который служил при дворе конунга, пытается при помощи силы рун соблазнить бедную девушку Керстин, но случайно руны оказывают воздействие на дочь конунга Аделин. Рыцарь в ужасе запирается в доме своей матери. Аделин пытается прийти к нему ночью, но он ее не выпускает. Утром она жалуется отцу по поводу своей неразделенной любви, тот посылает за Стигом и приказывает ему жениться на Аделин. Видя, что не стоит опасаться гнева конунга, Стиг с радостью “...tager gärna Ståltz Adelin...” (“...берет в жены благородную Аделин...”) [3, с. 18].

В тексте баллады Стиг “...kastade Runor till Lijten Cerstin” (“...бросает руны к бедной Керстин”). В данном случае под рунами необходимо понимать небольшие деревянные плашки или каменные бруски с нанесенными на них знаками. Гадание на таких предметах было широко распространено в Скандинавии. Занимались созданием таких “рун” особого рода ремесленники, знающие и умеющие превращать обыкновенный предмет в оберег или средство для предсказания будущего. В Скандинавии такие ремесленники были известны как рунические мастера. Также следует отметить, что еще в XVI веке руны в качестве оберегов наносили на дома, амбары, надгробные камни и даже на алтари и церковные окна по всей Скандинавии [2, с. 61–66]. Но главное, что во все времена иметь дело с магической силой рун могли лишь немногие. Недаром в знаменитой исландской “Саге об Эгиле” есть такие строки:

*“Skalat maðr rúnar rísta,
nema ráða vel kunni.”*

*“Никто не должен вырезать руны,
Если хорошо в них не разбирается.”* [4, с. 169]

С волшебной силой рун мы также встречаемся в шведской балладе “Riddar Tynne”, впервые напечатанной в 1679 году. Так, в произведении рыцарь Тиннэ, отправившись однажды на охоту, встречает под зеленой липой дочь волка Улле (Olle ville vargens dotter), которая в некоторых версиях одновременно является и дочерью гнома (Ulfva lilla, Dvergens dotter). В это время она проводит магический ритуал: “slår ett Runa slag” (ударяет по рунам, то есть бросает руны), после чего начинает играть ее золотая арфа (Gullharpan). Звуки музыки имеют такую силу, что птицы перестают петь, животные и даже рыбы в воде замирают на месте. Привлеченный прекрасной музыкой рыцарь Тиннэ влюбляется в девушку. Причем его чувство очень сильное, ибо он “med Runnerne binda” (связан рунами). Но девушка предупреждает его, что:

*“Kommer min Fader och Fästeman
Visserligen slåår dhe Eder i hjähl.”* [3, с. 391]

*“Если придут мой отец и жених
Они тебя сразу убьют.”*

За всем этим наблюдает жена волка Улле (Olle ville vargens Fruu). Ей становится жалко влюбившегося по вине ее дочери рыцаря, которого может постигнуть смерть, и она решает ему помочь. Рыцарь

спускается с ними вглубь горы, где жена волка читает “dhe Runeböcker fem” (пять книг с рунами) и говорит, что в них написано, что он не сможет быть с ее дочерью. Но у нее есть сестра в Исландии, несмотря на то, что сама девушка:

*“... är så vähl utaf Christen blodh
Och kommit utj Bärget här inn.”* [3, с. 392]

*“Не христианской крови
И родом из этой горы.”*

После этого жена волка дает рыцарю новую кольчугу (en brynja ny) и прекрасный меч (ett full-godt svärth), который пригодится ему в борьбе с семьёй исландскими воинами (the Iselandhs kiämpar sjuu), охраняющими ее племянницу. В итоге рыцарь Тиннэ одерживает победу и освобождает из плена прекрасную девушку. В конце он благодарит дочь волка:

*“Tacka vill iag Olle ville vargens dotter,
Som hade migh med Runnerne bundit;
Hade hon sådant icke giordt,
Then Jungfrun har iag aldrig vunnit.
– Styrer vähl the Runor.”* [3, с. 392]

*“Я благодарен дочери волка Улле,
Которая связала меня рунами;
Если бы она этого не сделала,
Я никогда бы не заполучил молодую девушку.
– Следуй рунам.”*

В балладе встречаются редкие для шведской традиции сравнения (rödhblomman kindh – щека, как алый цветок; skön som en blomma – прекрасная, как цветок).

Баллада “Riddar Tunne” явно выделяется из всех природно-мифологических шведских баллад количеством волшебных мотивов. Здесь мы сталкиваемся и с силой рун, и с силой музыки. Судьба рыцаря уже заранее была описана в пяти рунических книгах, хранящихся в недрах горы, именно поэтому в припеве, повторяющемся после каждого четверостишия, говорится “styres vähl the Runor” (следуй рунам). Уникальны и сверхъестественные существа произведения, объединяющие в себе черты оборотней (по пути в Исландии рыцарь Тиннэ встречает волка Улле – короля всех волков (en kongh öfver alla villa vargar), но и сам Улле, и его дочь, и жена выглядят как люди, то есть являются оборотнями), гномов (прямое упоминание об этом в некоторых версиях) и так называемых королей горы (либо троллей, ибо данные существа населяют гору). Такое смешение мифологических мотивов (волки-оборотни, живущие в горе), является абсолютно уникальным в шведской балладной традиции.

Еще одна шведская баллада (распространенная также в Дании и Норвегии) о магической силе рун – “Sömnrunogna”. Она, как и предыдущая, впервые была напечатана в XVI веке. В данной балладе мотивом использования рун является не любовный приворот, как в “Riddar Stigs runor”, а колдовство (долгий сон). Так, в балладе говорится, что одна девушка могла иметь близость со многими мужчинами, но при этом оставаться невинной. Об это услышал сын короля Англии (“kungens Son af Engelandh”) и отправился к ней. Она соглашается лечь с ним, но, когда она стелет постель, то рисует на простынях руны. Как только юноша садится на кровать, то тут же засыпает. Он спит так в течение трех дней, а затем его будит девушка. Молодой человек пытается подарками добиться ее расположения, но она отказывает ему.

Сходня тема сохранения невинности, но связанная с иным видом колдовства, а не с магической силой рун, раскрывается в шотландской балладе “Broomfield Hill” (“Холм Брумфилд”), дошедшей до нас в нескольких версиях. Смысл ее сводится к тому, что однажды рыцарь поспорил с девушкой по поводу того, что ей не удастся сходить на холм Брумфилд и вернуться невинной. Она просит ведьму помочь ей, и та рассказывает ей об особом ритуале, согласно которому девушке необходимо девять раз обойти холм кругом и, когда рыцарь уснет, обсыпать его цветами ракутника:

*“And aye the thicker that ye do strew,
The sounder he will sleep.”* [5, с. 132]

*“И чем больше ты его разбросашь,
Тем крепче он будет спать”.*

Девушке необходимо оставить возле него свои кольца и брошь, чтобы, проснувшись, он узнал о ее присутствии. Когда рыцарь просыпается, он спрашивает у своего коня и сокола (в некоторых версиях еще у гончей и своего отряда), почему его не разбудили, когда девушка была здесь, но все ему отвечают,

что не смогли его разбудить, что бы ни делали. После этого рыцарь пытается догнать девушку, но ему это не удается. В некоторых версиях рыцарь говорит, что если бы он проснулся, то вступил бы с ней в интимную связь, а после этого ее судьба не интересовала бы его, даже если бы несчастная умерла, и ее тело склевали птицы. Девушка слышит это и в слезах убегает.

Таким образом, в данном случае правильнее будет говорить не столько об оригинальности сюжета баллад, повествующих о рунах и их магической силе, сколько об оригинальности тематики. Ведь, по сути, сюжет баллад “*Sömnrunorna*” и “*Broomfield Hill*” одинаков: девушка сохраняет невинность благодаря тому, что усыпляет мужчину. Различие лишь в способе усыпления (руны или магический ритуал). Вероятно, сюжет перекочевал из Скандинавии в Шотландию, где со временем руны, вера в магическую силу которых была не настолько распространенной, как в скандинавских странах, были заменены на ритуал с цветами раkitника. Тем не менее, тематика рун – отличительная особенность скандинавской балладной традиции. В балладе упоминается растение раkitник, который растет на склонах холмов по всей Шотландии и Ирландии. Он издревле считался очень мощным защитным растением. Развешанный в углах дома, он защищал от злобы. Настой растения, которым обрызгивали вокруг дома, мог остановить призраков и сверхъестественных существ. Им часто украшали свадьбы. Раkitник могли связывать в пучки и сжигать, и этот дым очищал воздух и давал благословение. Его использовали даже для умирения ветра, когда растение сжигали и закапывали золу в землю. Кроме того, пепел раkitника использовался для лечения водянки, считалось, что его сильный запах помогал приручить диких лошадей и собак. В данной балладе говорится о его снотворном свойстве. О раkitнике также есть упоминания в валлийской мифологии. Так, согласно четвертой части Мабиноги из его цветков, а также цветков таволги и дуба появилась женщина по имени Блодуэдд (*Blodeuwedd*) [6, с. 127].

Заключение. Необходимо отметить, что связь рун и магии находит как поддержку, так и полное принятие в области рунологии. Выдающийся исследователь рун Вольфганг Краузе [7, 8] в своих книгах не ставит под сомнение веру в сверхъестественную силу рунических надписей в древности, рассматривая их связь с магией (магическое число рун, магические формулы, магические руны и пр.). Другие исследователи пересматривают вопрос о магическом характере рун и рунических алфавитов и о первоначальном чисто магическом содержании рунических надписей. Так, Андерс Бекстед [9] выдвигает в своем обширном исследовании ряд аргументов против гипотезы о магическом назначении рун и рунических надписей и против попыток их интерпретации, в которых якобы недописаны отдельные руны, или, наоборот, в которых встречается двойное написание рун, что, согласно мнению некоторых исследователей, было продиктовано необходимостью сохранить определенное “магическое” число рун [10, с. 11]. Тем не менее, в проанализированных балладах руны бесспорно обладают магической силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека всемирной литературы / ред. С. Е. Шлапоберская. – М. : Художественная литература, 1975. – Т. 9 “Беовульф” / “Старшая Эдда” / “Песнь о Нибелунгах”. – 770 с.
2. Вебер, Э. Руническое искусство / Э. Вебер. – СПб. : Евразия, 2002. – 75 с.
3. Jonsson, Bengt R. Sveriges medeltida ballader, utgivna av Svenskt visarkiv, band 1, Naturmytiska visor / Bengt R. Jonsson. – Stockholm : Almqvist & Wiksell international, 1983. – 495 s.
4. Jolly, K. Witchcraft and Magic in Europe / K. Jolly, C. Raudvere, E. Peters. – London : the Athlone Press, 2002. – Vol. III : The Middle Ages. – 296 p.
5. Child, Francis James. English and Scottish Ballads / Francis James Child. – Boston : Little, Brown and Company, 1860. – Vol. I. – 334 с.
6. Oxford English dictionary. – 6th ed. – London : Oxford University Press, 2007. – 3804 p.
7. Krause, W. Runeninschriften im älteren Futhark. Mit Herbert Jankuhn / W. Krause. – Göttingen, 1966.
8. Krause, W. Die Sprache der urnordischen Runeninschriften / W. Krause. – Heidelberg, 1971.
9. Bæksted, A. Målruner og Troldruner: Runemagiske Studier / A. Bæksted. – København : Gyldendal, 1952. – 366 s.
10. Макаев, Э. А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ) / Э. А. Макаев ; под ред. М. С. Кожуховой. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 156 с.

Поступила 30.12.2015

THE MAGIC POWER OF RUNES IN SWEDISH FOLK BALLADS

J. PAPA KUL

The plots of the Swedish folk ballads about the magic power of the runes as the distinctive feature of the Scandinavian ballad tradition is analysed in this article analyzes. The basic theories and approaches to the determination of the origin and meaning of the word “rune” are also mentioned in the article. In addition to the detailed analysis of 3 Swedish ballads a Scottish one is examined as well. Its plot was borrowed from Scandinavia and is very similar, however, the magic power of the runes was replaced by the supernatural properties of plants.

Keywords: rune, magic, ballad, belief.